

ОН МЕНЯ *нашёл*

ОТ НЕГО
НЕЛЬЗЯ
СПРЯТАТЬСЯ

АИДА ХОЛЛ

18+

Аида Холл

Он меня нашел

<https://litres.ru/73994281>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты всё ещё моя?

Год назад я сбежала от мужчины, который разрушил мою жизнь.

Я была уверена, что больше никогда его не увижу.

Но Макс всегда получает то, что считает своим.

Он нашёл меня.

Теперь я живу в доме, из которого можно выйти в любую минуту. Он не запирает двери. Не надевает цепи. Не заставляет подчиняться.

Ему это больше не нужно.

Потому что самое страшное произошло задолго до моего похищения.

Я начала привыкать к нему.

А когда появился шанс сбежать, я впервые испугалась не того, что он меня найдёт.

Я испугалась того, что могу больше не захотеть уходить.

История о навязчивой любви, психологической зависимости и человеку, который был готов разрушить весь мир ради одной женщины.

Содержание

Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Аида Холл

Он меня нашел

Глава 1

Я очнулась с ощущением, будто меня вывернули наизнанку. Всё тело ломило, словно я спала на гвоздях, а не на матрасе, пусть даже он оказался чересчур мягким. В затылке гудело, в позвоночнике тянуло тяжёлой болью, правая нога пульсировала, будто впитала в себя сотни ледяных иголок, и от пальцев до колен не ощущалось ничего, кроме холода. Я попыталась разлепить веки — и тут же запаниковала.

Тьма.

Ни тени света, ни формы, ни намёка на очертания. Только липкая, удушающая темнота, облепившая меня со всех сторон. Я моргнула, хлопнула ресницами, провела руками по лицу — и только потом поняла, что зрение не отказало. Просто помещение поглощало любой свет, если тот вообще здесь был.

Я с трудом поднялась, дыша неровно. Воздух был влажный, в нём чувствовалась гниль, сырая каменная плесень и что-то ещё — острое, металлическое, будто ржавчина.

Внезапно, как по щелчку, где-то под потолком вспыхнуло жёлтое, уставшее от жизни освещение. Маленькая лампочка, болтающаяся на проводе, зажглась и ослепила меня настолько, что я зашипела, инстинктивно заслоняясь рукой.

Медленно, сквозь боль и головокружение я огляделась. Узкое помещение — не больше четырёх шагов в длину и столько же в ширину. Каменные стены, отпечатанные временем, сырой пол и отсутствие окон — всё это выдавало в нём подвал, настоящий, чужой, безжалостный.

Я лежала на матрасе, укрытая плотным одеялом. У ног валялся ковер с коротким ворсом, будто кто-то пытался сделать этот каменный склеп чуть более «уютным». Справа — стена, слева — дверь. Тяжёлая, металлическая, без ручки. Она выглядела так, будто создана не для входа, а для того, чтобы изнутри нельзя было выйти.

Я попыталась приподняться, но мышцы отказывались повиноваться, а в голове всё ещё стоял звон. Казалось, вот-вот начнётся паническая атака. Но хуже всего было то, что я не помнила, как сюда попала.

Я начала вспоминать. Последние обрывки врезались вспышками: банкет, смех, бокалы, люди. И — он. Макс.

Имя отозвалось в теле дрожью. Он был там. На той самой вечеринке. Появился, как призрак, из прошлого, из тех воспоминаний, которые я присягнула себе забыть. Мы столкнулись взглядами. Я затаила дыхание, но он лишь кивнул вежливо, без лишних эмоций, будто мы были случайными знакомыми. Его равнодушие успокоило. Даже позволило выпить, болтать, смеяться.

А потом — пустота. Белый шум. Оттуда — сюда.

Я бросила взгляд вниз — и внутри меня всё похолодело.

Металлический браслет плотно охватывал мою лодыжку. К нему крепилась цепь, толстая, ржавая, уходящая в угол подвала.

Нет. Нет, это невозможно. Это безумие.

Я дёрнулась, пытаюсь встать, но тело не слушалось. Голова кружилась. Меня снова швырнуло на матрас, как куклу без костей.

И тут дверь щёлкнула.

Скрежет, звук засовов — и она медленно распахнулась. Свет из коридора полосой лег на пол, и в него вошёл он. Макс.

Всё моё тело отозвалось инстинктивным страхом.

Он выглядел спокойно. Почти лениво. Обнажённый по пояс, с расстёгнутыми джинсами, из-под которых уже угадывался силуэт того, что происходило внутри него. Я отвела взгляд, но было поздно — он уловил мой рефлекс, и губы его изогнулись в довольной, ледяной улыбке.

— Ну здравствуй, Элина, — сказал он.

Его голос был почти ласковым. Если бы я не знала, на что он способен, могла бы принять его интонацию за заботу. Но за этим стояла угроза — я слышала её кожей, позвоночником, каждой клеткой.

— Где я? — голос звучал чужим, хриплым, сорванным.

— У меня, — просто ответил он.

Он подошёл ближе. Медленно. Без спешки. Как кошка, играющая с мышью, которую уже поймала.

— Я ведь давно этого ждал, — сказал он и вдруг рывком схватил меня за волосы, дернув их вверх. Я вскрикнула: тело пронзила боль. Моё лицо оказалось напротив его живота. Там, в самом низу, я увидела знакомый изгиб — татуировку. Дракон. Тот самый, как у меня.

Он склонился ко мне и шепнул:

— Мы теперь одинаковые. Ты и я. Наши драконы сольются, как и мы.

Он лизнул меня по щеке. Слишком медленно, слишком влажно. Я сдержалась, чтобы не вырваться. Только одно жгло в мозгу: **я должна выжить**.

Глава 2

Холод проникает под кожу, прячется в костях, и я вздрагиваю даже под плотным одеялом. Но куда страшнее — не холод. Страшнее то, что **он** здесь.

Макс.

Он всё ещё стоит передо мной, не спуская взгляда. Его пальцы крепко сжимают мои волосы, как поводок — и в этом движении вся суть: он не держит — он **владеет**.

— Ну, скажи, — его голос почти бархатный, слишком мягкий, чтобы быть настоящим, — ты же вернулась, потому что соскучилась. Сама решила. Признайся.

Я качаю головой слишком медленно, чтобы не спровоцировать гнев. Ответа ему хватает. Его глаза тут же наливаются тьмой.

— Значит, **плохая девочка**.

Он отпускает волосы резко. Я падаю на матрас, как мешок с песком. Сердце колотится в горле, дыхание сбивается. Макс опускается передо мной на корточки, и на его лице — странное выражение. Как у человека, который одновременно восхищается и презирает свою игрушку.

— Больно? — спрашивает он, и, прежде чем я успеваю ответить, его пальцы скользят по моей щеке, едва касаясь. — Мне тоже было больно, когда ты сбежала. Когда исчезла, как крыса из тонущего дома. Я скучал, Элина. Ты не пред-

ставляешь, как.

Он смотрит мне в глаза, и я, наконец, замечаю — его зрачки расширены, неровные: он под кайфом. Снова. Ничего не изменилось.

Мой голос едва слышен:

— Макс...

Он перехватывает дыхание, будто имя само по себе — афродизиак.

Внезапно он тянется ко мне и целует. Глубоко, жадно, с такой силой, что у меня сводит челюсть. Его язык вторгается внутрь, касается зубов, дёсен, всего, что не предназначено для поцелуя. Я пытаюсь отстраниться, но его ладонь тут же сжимает мой подбородок, оставляя болезненный след. Поцелуй становится не прикосновением — насилием.

Когда он отстраняется, на моих губах остаётся вкус — спирт, сигареты, что-то горькое, неприятное. Я вытираю рот дрожа, и это его злит.

Он не говорит — он **рычит**, вытаскивая ремень из пояса, начинает хлестать им по матрасу рядом с моими ногами. Каждый удар — словно предупреждение. Следующий будет по телу. Я сжимаюсь, не дышу.

Но он не бьёт. По мне — нет. Он бросает ремень, стягивает джинсы, и в этот момент становится ясно, что будет дальше.

— Снимай, — приказывает он тихо.

— Макс, не надо...

— Надо, Элина, — его голос как клинок. — И ты знаешь, что будет, если станешь спорить.

Мои руки дрожат, но я подчиняюсь. Сначала джинсы, потом нижнее бельё. Я избегаю смотреть — не хочу видеть, не хочу думать, что всё это происходит со мной.

— Ниже. — Его голос скользит по коже, как масло. — Дальше. До конца.

Я выполняю. Повинуюсь. И за это себя ненавижу.

— Соси, — шепчет он.

Отвращение обжигает мне рот изнутри, хотя я ещё не сделала ни одного движения.

— Нет, — выдавливаю я. — Не буду.

— А твоему старичку ты сосала? — его губы изгибаются в мерзкой ухмылке.

— Ты и сам знаешь ответ, — огрызаюсь. — Он же тебе рассказывал, не так ли?

Удар. Пощёчина. Горячая, резкая. Звук лопается в тишине, будто стекло.

— Сука, — бросает он и поднимает меня, как тряпичную куклу. Сажает на матрас, разворачивает, толкает лицом вниз.

Цепь лязгает о пол. Она мешает, но Макса это не останавливает. Ничего его не остановит.

Я слышу, как он стягивает остатки моего платья. Оно рвётся, трещит ткань. На мне ничего, кроме страха. Я прикрываю грудь руками, но он тут же отрывает мои запястья и

зажимает их над головой.

Он целует меня в подбородок, грубо, мокро, затем — в шею и ниже. Я не двигаюсь. Просто лежу. Пытаюсь отключиться. Представить, что это не я. Что я где-то в другом месте, в другой жизни.

Макс скользит губами по моей груди, заигрывая с сосками, которые, к моему ужасу, реагируют. От холода. Не от желания. Только **не от желания**.

— Давай, — шепчет он, и в его голосе голод.

Он раздвигает мои ноги, садится между ними и смотрит. Долго, почти со вкусом. Я не могу отвести взгляд. Его рука обхватывает член — уже стоящий, твёрдый. Он гладит себя, не отрываясь от моего лица.

— Сухо, — бормочет он с разочарованием.

Да, сука. Конечно, сухо.

Он плюёт в ладонь, смачивает себя и входит. Без предупреждения. Без разрешения.

Мой крик застревает где-то в груди. В ушах — глухой звон. Боль — тупая, разрывающая.

Он толкается внутрь снова и снова, всё глубже, и каждое движение — как удар по мозгу. Я сжимаю зубы. Не издаю звука. Не дам ему удовольствие слышать мою боль.

— Смотри на меня, — приказывает он, опуская глаза на мою татуировку. Его пальцы скользят по дракону. — Теперь они снова вместе, как и мы.

Я смотрю прямо в его лицо и вижу перекошенное, иска-

жённое наслаждением выражение. Он **теряет контроль** — и это мой единственный шанс.

Но пока — я терплю.

Он кончает, выскальзывая в последний момент, и сперма горячей дорожкой ложится на мой живот. Прямо на татуировку. Прямо на дракона.

Он улыбается, глядя, как его «метка» стекает по моей коже.

— Хорошая девочка, — говорит он, отступая. — Знал, что ты будешь послушной.

Я не отвечаю. Пусть думает, что победил. Пусть считает, что он — хозяин этой игры.

Пока.

Глава 3

Он ещё не ушёл. Я ощущаю его присутствие кожей: тяжёлый, вязкий воздух вокруг, пропитанный потом, спермой и его похотью всё ещё не отпускает.

Макс встаёт с матраса, тянется, неторопливо подтягивает джинсы, как будто только что вышел из душа, а не из меня. Его движения расслабленны, а во взгляде — торжество, от которого внутри всё скручивается в узел.

Я не двигаюсь. Просто лежу. Разбитая. Пустая. Прикрывшись одеялом, как последним щитом.

Он смотрит на меня сверху вниз, как на податливое существо, которое теперь принадлежит ему.

— Ты же знаешь, как мне с тобой хорошо, — говорит он почти ласково. — И я уверен: тебе тоже понравилось.

Я не отвечаю. Ни одной эмоции на лице. Ни одного слова. Пусть догонит молчание.

— Послушная будешь — сделаю тебе приятно, — добавляет он, нагибаясь, чтобы подобрать одежду и ремень.

Меня передёргивает. Я цепляюсь за ткань, которую он оставил — носки, длинная футболка. Всё. Ни трусов, ни брюк, ни даже лифчика. Минимум достаточный, чтобы не замёрзнуть, но не больше. Чтобы не забывала, в каком я статусе.

Макс кидает взгляд на табуретку у двери:

— Я позабочусь, чтобы тебя кормили. А ещё... — он улыбается, как будто собирается вручить мне подарок, — забрал твою псину. Лаки? Сейчас едет в надёжные руки.

Я сажусь. Мгновенно. Его слова — как удар по грудной клетке.

— Где он?

— Не переживай, Элина, — хмыкает он, — я же не монстр.

— Ты его отдал?

— Пока нет, — бросает через плечо. — Решу позже. Всё зависит от тебя. От твоего поведения.

Холод по коже. Не от подвала. От слов. Он держит меня не только на цепи. Он нашёл мою слабость. И, сука, не ошибся.

Макс подходит к двери, открывает: в проёме мелькает рука в серой толстовке — **Ник**, молчаливый «охранник». Он протягивает Максу свёрток — стопку вещей. Макс кидает её мне:

— Вот, одежда. На первое время. Завтра подберу тебе что-нибудь поинтереснее.

Я молча беру вещи и кладу на колени. Грубая ткань. Хлопок. Слишком чистое — на фоне этой грязи почти издевательство.

— Ник, кстати, тебя не тронет, — добавляет Макс, уже на пороге. — Ему запрещено. Смотри, как повезло. Только я имею право тебя трогать, милая.

Он выходит. И только хлопок двери — свобода на

несколько минут.

Я натягиваю носки. Длинную футболку. Плотно прижимаю ткань к телу. Трусов нет — и это ощущается почти болезненно.

Хожу по подвалу в пределах, разрешённых цепью. От стены до стены, метр туда, метр обратно. Стены глухие, потолок низкий. Но даже в этом я ищу привычку. Ритм. Звук цепи начинает казаться успокаивающим. Лучше, чем тишина.

На табуретке стоит ром и кола. Мой любимый коктейль. Он помнит. Чёрт бы его побрал, он всё помнит.

Я мешаю напиток. Первый стакан — залпом. Виски сжигает горло, но приносит тёплое, обволакивающее забытьё. Второй — медленнее. С фруктами. Я отпускаю плечи, позволяю алкоголю погасить боль, размазать ужас по сознанию.

Третий — уже наркотик. Я падаю под одеяло, чувствую, как реальность уплывает.

И в темноте, перед тем как провалиться в сон, я вижу гроб. Мой муж, Александр. Похороны. Лаки, скулящий у моих ног. А в толпе — он. Макс. Улыбается. И шепчет губами:

— Ну, вот и всё.

Я просыпаюсь в холоде и темноте, с ощущением, что кто-то рядом. И не ошибаюсь.

На меня смотрит пара тёмных, блестящих глаз.

— Лаки... — шепчу.

Он тихо тьякает и бросается ко мне, лижет лицо, дышит в шею. Я прижимаю его, прячу нос в мягкую шерсть и впервые

за долгое время дышу свободно.

Глава 4

Я не сплю. Просто лежу рядом с Лаки, вжавшись в него всем телом, как будто этот крошечный пушистый комок способен закрыть меня от реальности, в которой я оказалась. Его тепло — настоящее. Его дыхание — ровное. Лаки зарывается носом в мою шею, подвывает, словно знает, что я сломлена, и старается удержать меня на поверхности.

Он пахнет мной: моими духами, моими руками. Моей свободой, которую у меня отобрали.

Я глажу его между ушами, шепчу что-то глупое, бессмысленное, и чувствую, как слёзы подступают к глазам. Но я не плачу. Не сейчас. Не перед ним.

Я вспоминаю, как он появился в моей жизни.

Подарок. Сюрприз от Александра в день, когда мы вернулись из свадебного путешествия. Маленький, смешной щенок, больше похожий на игрушку, чем на живое существо. Белоснежный комок шерсти с круглыми глазами и крошечными лапками. Шпиц — порода, которую я тогда не принимала всерьёз. Я смеялась: «Это не собака, а декоративный аксессуар».

Но он остался.

Я пустила его в дом, потом — в спальню, а потом — в сердце. Ночами он тёрся у мою грудь, сворачивался клубочком у колен, будил меня по утрам своим тьявканьем, требуя

еды и прогулки. Сначала раздражал, потом стал привычкой. А потом — стал всем.

Он был со мной, когда я плакала. Когда я уходила. Когда собирала вещи в тот последний вечер, зная, что бегу от опасности, но всё равно колебалась. Чемодан хлопнул молнией, и я взялась за ручку, как за спасательный круг. А Лаки бросился ко мне, заскулил, прыгнул, умолял — по-собачьи, без слов, но абсолютно понятно: «**Не оставляй меня**».

И я не оставила.

Мы уехали сначала в другой город, потом — в столицу, через два дня — в Европу. Я тратила деньги Александра как кислород, покупая себе новую жизнь. Тихие гостиницы, чужие улицы, свежий воздух и море. Я думала: там меня не найдут. Там я смогу дышать. Мы с Лаки гуляли вдоль воды, сидели на лавках, делили еду. Он был единственным, кто не задавал вопросов.

Но теперь — я здесь.

И он тоже.

Макс нашёл меня. Ловко, точно, безошибочно. Я была дура. Решила, что всё затихло. Что год — достаточно. Что я могу вернуться. Глупая. Слабая. На третью ночь в городе — вечеринка. Старые знакомые. И он.

Он подмешал что-то в бокал. Я уверена. Я тогда подумала, что он изменился, стал спокойнее, старше, бессильнее. Ошиблась: он стал **терпеливее**.

Теперь я его трофей, а Лаки — его рычаг.

Дверь открывается. Не Макс. Ник. Молча, безэмоционально. Он вносит поднос, на нём — завтрак и бутылка воды. Лаки зарывается под одеяло. Я напрягаюсь, как струна, не зная, чего ждать. Но Ник просто ставит поднос и разворачивается. Ни одного слова. Только взгляд, который скользит по мне и исчезает, не оставляя следа.

— Кто ты? — спрашиваю я. Тишина.

Я пытаюсь сыграть. Деньги, свобода, предложение. Но он не реагирует, только уходит.

Я жую еду, не чувствуя вкуса. Мозг работает в режиме выживания. Если Макс сдержит слово, я выйду из подвала. В душ. Вверх, к свету. Хоть на миг. Значит, я смогу увидеть больше, понять, где я, оценить маршрут, найти способ бежать. Но это всё только если он даст мне шанс.

Если не надумает развлечься по-своему.

Я знаю его. Слишком хорошо.

Макс — непредсказуемый. Он может быть обаятельным. Спокойным. Грациозным. И в следующую секунду — вывернуть тебе руку, ударить по лицу, трахнуть до крика. Он всегда играл с гранью. Но теперь он её стер.

Он под кайфом — я вижу это по глазам. Он скользит по осколкам, и я рядом с ним — его зеркало. Он хочет не просто секса. Он хочет **власти**. Безоговорочной. Безответной. И он готов ждать.

До тех пор, пока я не стану **его** не телом, а разумом.

Я смотрю на Лаки, и у меня всё внутри сжимается. Он

свернулся калачиком рядом, его дыхание ровное, глаза прикрыты. Но он чуткий: он знает, что здесь что-то не так.

Когда Макс забрал его, я почувствовала, что больше не могу дышать. Сейчас, когда Лаки рядом, у меня есть за что держаться.

Он — мой якорь.

И моя слабость.

Макс знает это.

И будет этим пользоваться.

Глава 5

Утро приходит не с запахом кофе и лучами солнца, как это бывало в прежней жизни, а с тяжёлым металлическим скрежетом, который пронзает подвал, будто нож вгрызается в бетон. Засовы сдвигаются, за ними раздаётся глухой шаг, и сердце — даже прежде чем мозг успевает сообразить, начинает колотиться чаще, отбивая пульс не времени, а страха.

Я не двигаюсь, только плотнее прижимаю к себе Лаки, который зарывается под одеяло, прижимаясь к моему животу с той преданностью, что у собак сродни абсолютной любви. Он не лает, не скулит — просто дышит часто и горячо, и этого достаточно, чтобы не сойти с ума.

Когда дверь распахивается, в проёме появляется Макс — одетый, выбритый, словно мы не в логове, не в тюремной камере, а в утре какого-то обычного, почти нормального дня. Он пахнет чужим: его парфюм с мятой и древесным ароматом напоминает мне о прошлой версии его самого — той, что когда-то могла обмануть, притвориться человеком.

В руках у него полотенце, спортивный костюм и связка ключей, которые звенят чуть громче, чем нужно, как будто он нарочно подчёркивает: власть — на его поясе, рядом с ремнём, которым он может либо впустить тебя к теплу, либо располосовать твою спину.

— В душ, — говорит он, почти не глядя.

Я не отвечаю. Только смотрю на него, сдерживая всё: дыхание, дрожь, голос. Он делает шаг вперёд, опускаясь на корточки у края матраса, касается ключом кольца на моей ноге, и звякнувший замок вдруг отпускает меня так быстро, что в первое мгновение я даже не понимаю, что могу двигаться.

Тело кажется тяжёлым, как будто за дни в подвале вес умножился на два. Но я поднимаюсь. Сажусь. Встаю. Он наблюдает — не по-хозяйски, не вожделенно, а выжидающе. Как тренер смотрит на собаку, решившую вдруг не подчиниться команде.

— Пятнадцать минут, — бросает он, и я почти чувствую, как в воздухе повисает невысказанное: «Если ты умная, ты не попытаешься сбежать».

Он выводит меня из подвала. Цепи нет. Рук не держит. И всё же каждый мой шаг под контролем, потому что я знаю: за мной наблюдают. Мы проходим по узкому коридору, стены которого облезлы и неровны, а воздух пахнет сырой краской и каким-то странным медицинским холодом. Я запоминаю маршрут: шаги, окна, неровности стен — всё.

Ванная оказывается неожиданно чистой. Белая плитка, почти стерильная, пар под потолком, как в турецкой бане, зеркало запотело, и от этого мне становится одновременно легче и тревожнее. Он думал, он готовился. Это не импульс. Это **программа**.

— Через пятнадцать я вернусь. Ник за дверью, так что не играй в героиню, — и с этими словами он выходит, не за-

крывая дверь на ключ, но оставляя после себя воздух, пропитанный собой.

Я захлопываю дверь и тут же запираю её изнутри, как будто этот щелчок — мой акт сопротивления, первый за всё это время. Подхожу к зеркалу, сдёргиваю с себя футболку, и отражение в стекле режет сильнее, чем всё, что происходило внизу.

Лицо — чужое. С глазами, в которых больше нет света. С губами, иссечёнными сухостью. С кожей, в которой живёт не только страх, но и что-то новое — настойчивое, как заноза: ярость, которой я не позволяла вырасти, пока просто пыталась **выжить**.

Я стою под душем долго. Горячая вода бьёт по плечам, по спине, по груди, и я стираю с себя всё: не только его запах, но и то ощущение, что я уже перестала быть собой. Я отмываюсь до боли, до покраснений, до тех пор, пока пальцы не начинают дрожать от перегрева.

На полке шампунь, мыло — всё новое. Он хочет, чтобы я почувствовала разницу: здесь чистота, наверху цивилизация, у него дом. А там — подвал: мрак, животное. Он создаёт контраст, чтобы потом снова **опустить**.

Когда я выхожу из душа, я не чувствую облегчения. Только холод, от которого не укрыться даже под полотенцем. Я надеваю спортивный костюм, вытираю волосы и смотрю в зеркало ещё раз.

Глаза всё ещё мои, но что-то в них уже **сломано**.

Дверь открывается в тот момент, когда я делаю шаг к выходу. Макс входит. Осматривает меня, и в его взгляде — не вожделение, не похоть, а... одобрение. Как будто я прошла какой-то незримый тест.

— Ты снова красивая, — произносит он, — сильной ты мне не нужна. А вот такой — очень даже.

Он подходит ближе, кладёт ладонь на мою шею, проводит пальцами по влажной коже, будто хочет запомнить. Я замираю.

— Скоро я подниму тебя наверх, — говорит он. — Покажу тебе, как всё устроено. Может быть, даже комнату дам. Если ты не будешь строить из себя мученицу. Ты ведь помнишь, как нам было хорошо?

Я молчу.

Он улыбается. И, прежде чем уйти, шепчет:

— Твоё тело всё равно помнит.

Глава 6

Комната, в которую он меня привёл, кажется почти абсурдной на фоне подвала, цепи и боли, что до сих пор пульсирует внизу живота. Здесь светло. Стены выкрашены в тёплый песочный цвет, окно занавешено лёгкой тканью, а в воздухе пахнет чем-то терпким и дорогим — смесью свежей древесины, табака и лёгкого мускуса — словно я очутилась не в доме у насильника, а в дорогом загородном отеле, откуда нет обратного рейса.

В центре — большая кровать с серым покрывалом, у стены — комод, на котором стоят свечи, книга в кожаном переплёте, какой-то винтажный абажур. Всё слишком... **вдумчиво**. Слишком «для неё». Для женщины, которую здесь ждали, которую он представлял, к которой готовился.

Макс ведёт меня внутрь не толкая, не настаивая, будто мы просто пара, вернувшаяся из долгого путешествия домой.

— Можешь осмотреться, — говорит он, сев в кресло у стены. Его голос — приглушённый, ровный. В нём нет ни требовательности, ни угрозы. Напротив, в этой мягкости прячется куда больше власти, чем в грубости: он больше не угрожает — он уже **держит**.

Я молча прохожу по комнате, останавливаясь у окна. Шторы отодвинуты, но за стеклом — лишь бетонная стена в паре метров, гладкая, ровная, без трещин. Ни солнца. Ни

звука. Ни улицы. Только сомнение в том, есть ли там вообще **мир** снаружи.

— Где мы? — спрашиваю, не оборачиваясь.

— Далекo от того, что ты называла домом, — отвечает он.
— Место, где никто тебя не услышит, если ты закричишь. Но ты ведь уже не кричишь, правда?

Я отворачиваюсь от окна, возвращаюсь к центру комнаты. Сажусь на край кровати. Матрас прогибается мягко, будто приглашая остаться, расслабиться, принять. Я смотрю на него внимательно, в упор. Он замечает это, улыбается, чуть откидываясь назад, как будто доволен моим интересом, даже если он окрашен в ярость и отвращение.

— Зачем ты всё это делаешь? — спрашиваю. Мой голос звучит тише, чем хотелось бы, но всё равно чётко.

Он не отвечает сразу, лишь смотрит долго, пристально, словно ищет в моём лице не упрёк, не страх, а **воспоминание**. И когда, наконец, начинает говорить, его голос становится почти интимным.

— Потому что ты была моя, Элина. Потому что ты принадлежала мне всем: телом, глазами, мыслями. Даже когда спала рядом с другим. Даже когда смеялась, готовила завтрак, носила кольцо. Я видел — ты жила, но не чувствовала. Потому что он не трогал тебя так, как я. Не ломал. Не собирал заново. Не вдыхал тебя в себя. Он был твоим мужем. Но ты была **моей**.

Я вдыхаю через нос. Глубоко. Ровно. Не позволить ему

увидеть, как всё внутри трещит. Нет, не дать ему триумфа!

— Он был лучше тебя, — говорю спокойно, с намеренной холодностью.

Макс улыбается, но это не радость. Это маска зверя, который привык терпеть и ждать. В его глазах вспыхивает что-то хищное.

— Он был мёртв ещё до того, как ты это поняла, — отвечает он. — Он просто не знал. А я знал. Я чувствовал, как ты гаснешь с ним и разгораешься со мной. Каждый раз, когда ты срывалась, кричала, ненавидела меня — ты **жила**. И мне этого было достаточно.

Он встаёт. Подходит ближе. Встаёт передо мной. Я не двигаюсь. Даже когда он опускается на колени, берёт мои руки в свои, смотрит снизу вверх.

— Я не держу тебя в цепях, Элина. Уже нет. Ты здесь потому, что я тебя забрал. Но остаться или нет — теперь решаешь ты.

Я фыркаю. Громко. Зло. И он улыбается, как будто этого и ждал.

— Ты думаешь, у тебя есть власть, — шепчу я. — Но ты просто трус, Макс. Ты запер меня, потому что знал: иначе я бы не вернулась.

Он наклоняется ближе, его лоб касается моего.

— А ты думаешь, что убежала потому, что была сильной. А на самом деле — потому, что испугалась, **как сильно ты меня хотела**.

Его губы почти касаются моих, но я отворачиваюсь. Слишком резко. Он отступает. Без злости. Без насилия. Он ждёт. И это страшнее.

— Отдыхай, — говорит он. — Завтра я покажу тебе остальную часть дома. Может быть, даже выведу во двор.

Он выходит, не оборачиваясь, закрывает за собой дверь. Без ключа. Без щелчка. Оставляя меня одну в комнате, которая выглядит как свобода, но пахнет клеткой.

Я ложусь на кровать и смотрю в потолок. Вижу трещину. Вижу тень люстры. Вижу, как по краю стекла ползёт тонкий луч света от абажура.

И чувствую: он прав.

Я не кричу.

Больше — нет.

Глава 7

В комнате тихо. Слишком тихо. Эта тишина давит не отсутствием звуков, а их избытком в голове. Мысли идут волнами, как тёмная вода в глубоком озере: не видно дна, но ты знаешь — оно там, холодное, чёрное, способное утянуть за собой, если удержишь взгляд слишком долго.

Я не сплю.

Я лежу на спине, уставившись в потолок, и думаю о времени. Оно здесь не движется. Оно не ощущается ни телом, ни разумом. Нет солнца, нет часов, нет даже внутреннего ритма — всё растворено в стерильной, искусственной «заботе» Макса. Он даёт мне чистую постель, горячую воду, нормальную еду, как будто этим можно стереть всё, что было до. Всё, что он сделал со мной.

Но моё тело помнит.

Оно помнит холод цепи, железо на коже, боль от его рук, его голос у самого уха, его запах на моём горле. И теперь, когда он не трогает меня, не лезет, не ломает — становится страшнее. Потому что я знаю: **он умеет ждать.**

Он наблюдает.

Он расчётлив.

И я всего лишь проект, который он собирается завершить.

Сначала я думала, что он хочет только секса. Контроля. Унижения. Но теперь понимаю: он хочет вернуть **то, что ко-**

гда-то считал своим, собрать заново, вложить в меня своё представление о любви. Только для него «любовь» — это повиновение. Это преданность, граничащая с подчинением. Это полная потеря себя ради чужой одержимости.

Я слышу шаги.

Тихие, скользящие — как будто тапки по ламинату. Потом — дверь. Щелчок. Не в мою комнату. В коридоре. Где-то рядом.

Лаки шевелится, тихо твякает во сне. Я кладу ладонь ему на бок — он мгновенно затихает, только подрагивает, будто в снах он тоже бежит. От кого-то. От чего-то. Возможно — от того же, от кого бегу и я.

Я встаю босиком. Пол холодный, гладкий. Прислоняюсь к двери. Прислушиваюсь.

Голос. Мужской. Не Макс. Другой. Глухой, резкий, будто радиопередача с помехами.

— ...поздно. Не твоя проблема. Ты знал, на что шёл.

— Я не знал, что она будет **здесь**, — отвечает Макс. Он раздражён. Это слышно. — Это не обсуждается. Я сделал выбор.

— Если нас накроют — ты один в этом варишься, понял?

— Я давно в этом один, — бросает Макс. И тишина.

Я делаю шаг назад.

В голове бьётся мысль, как птица о стекло: **кто он?** Кто этот человек, с которым Макс говорит так, будто должен ему? Почему моя поимка — риск для кого-то ещё?

Значит, он **не один**.

Есть другие. Это угроза или шанс?

Если он кому-то мешает, значит, не всё у него под контролем. Значит, возможно, есть выход. Маленький, узкий, почти незаметный, но если я не потеряю голову, то я найду его.

Возвращаюсь к кровати, ложусь. Тело ноет, плечи забиты от напряжения. Лаки прижимается ближе, дышит у моей груди. Я обнимаю его и впервые за всё время позволяю себе **представить свободу**.

Не мечтать. Не надеяться. Просто представить: воздух, улицу, утро. Руки на руле. Глаза в зеркале. Себя — живую.

Засыпаю.

Во сне — море. Холодное, тёмное. Я иду по берегу босиком, и вода облизывает мне ноги, оставляя на коже соль. Я слышу голос — не разобрать чей. Он зовёт. Но я не поворачиваюсь. Я знаю, если оглянусь — всё исчезнет. Потому что там будет он.

И я иду дальше.

Не оборачиваясь.

Глава 8

Я просыпаюсь не от звуков, а от их отсутствия. Комната слишком тиха, чтобы быть реальной. Словно кто-то выключил весь окружающий мир, оставив только меня, Лаки и ожидание.

Тело затекло, голова будто набита ватой — я не помню, сколько спала. Возможно, два часа, возможно — сутки. Здесь невозможно измерить время: оно либо замирает, либо исчезает совсем.

Я приподнимаюсь на локтях. Лаки зевает, встает, потягивается, встряхивает шерсть и смотрит на меня выжидающе, вопросительно. Он, как и я, не знает, чего ждать, но он чувствует. Он всегда чувствует раньше меня!

Когда дверь открывается, это происходит без стука. Просто — щелчок, скрип петель, и в проёме снова появляется он.

Макс.

Сегодня он в светлом: белая рубашка, серые брюки. Почти деловой стиль, если бы не обстановка, не фон, не мы. Он выглядит так, будто собирается на встречу или уже вернулся с одной.

Он вносит поднос. Еда, кофе, стакан сока. И, что особенно странно, газета.

— Ты выглядишь лучше, — произносит он, ставя поднос

на тумбочку. — Сон тебе идёт.

Я молчу. Не от страха. От недоверия. Он ведёт себя слишком... **мягко**. Как будто хочет приглушить что-то. Или скрыть.

— Почитай, — говорит он, кивая на газету. — Там, кстати, кое-что о тебе. Вернее, о твоей «потере». Нашли машину, оставленную у обочины. Багажник пуст. Документы — в бардачке. Версия полиции: либо добровольный побег, либо инсценировка. Звучит красиво, правда?

Я медленно беру газету. Глаза цепляются за заголовок: **"Пропавшая вдова банкира: полиция не исключает самоисчезновение"**.

Внутри меня что-то рвётся.

Я читаю. Сухие строки. Пара фотографий. Моя старая, ещё счастливая улыбка, обрезанная до формальности. Цитаты из соседей: «Она всегда была тихой, замкнутой». Один из бывших коллег Александра: «После его смерти она сильно изменилась. Отдалилась от всех. Могла уехать». Никто не говорит о том, что меня могли **забрать**.

Никто даже не **предполагает**.

— Ты видишь, — говорит Макс, присаживаясь в кресло, — ты никому не нужна. Никто не ищет. Никто не ставит под сомнение. И, как бы это ни звучало, — в этом твоя свобода.

Я кладу газету обратно. Не подаю виду, как глухо внутри забилось сердце.

— Ты не имеешь права, — тихо говорю.

Он смотрит на меня, и в его глазах вспыхивает что-то темнее, чем гнев.

— Я имею на тебя все права, Элина. Потому что ты **моя ошибка**, которую я исправляю. Ты не просто женщина, ты мой незавершённый акт. Я тебя **создал**, а ты ушла, и теперь я вернул. И не отпущу, пока ты не станешь такой, какой должна быть.

— Какой? — бросаю я. — Покорной? Молчащей? Любящей тебя за то, что ты уничтожаешь?

— Целой, — отвечает он. — Ты не представляешь, насколько ты была разрушена до того, как встретила меня. Я всего лишь ускорил твой распад. А теперь — собираю по кускам.

Он встаёт, подходит ближе. Его рука ложится мне на голову — слишком нежно, слишком интимно. Как будто он действительно верит в то, что лечит.

Я сжимаюсь.

— Сегодня ты выйдешь во двор, — говорит он, проводя пальцем по моей щеке, — прогуляешься. Воздух. Солнце. Тишина. Я буду рядом. Если попытаешься убежать, ты знаешь, что будет. Но если будешь послушной, может быть, позволю остаться здесь, наверху.

Он разворачивается и уходит, будто разговор был не угрозой, а подарком. Дверь снова остаётся открытой. Как иллюзия. Как насмешка.

Я смотрю на поднос. Еда остывает. Кофе уже не дымится.

Аппетита нет.

Но я пью. Не потому, что хочу. Потому что мне нужен поток реальности. Горечь. Температура. Что-то, что доказывает — я ещё здесь. Я жива.

И это, возможно, пока единственное, что у меня есть.

Глава 9

Двор — это клетка побольше.

С первого взгляда он кажется обычным: высокая кирпичная стена, кое-где затянутая плющом, мощёный камнем внутренний дворик, узкие клумбы вдоль периметра. В центре — металлический стол и два стула. Один — в тени, другой — на солнце. Всё чисто, аккуратно, почти красиво. Но стоит задержаться — и иллюзия осыпается.

Слишком ровные следы на земле. Камни выложены так, чтобы шаги не оставляли грязи. Цветы — без запаха. Птиц нет. Ни звука. Ни одного шороха, кроме шевеления листвы и лёгкого посвиста ветра.

Макс идёт рядом. Не держит за руку, не толкает, но каждый мой шаг ощущается в его тени, как под лезвием. Он не касается — и именно в этом его сила. Он **даёт свободу**, чтобы потом напомнить, что забрал её навсегда.

Лаки бежит впереди. Он счастлив. Он скачет по дорожкам, нюхает кусты, вертит хвостом. В этом контрасте — всё моё безумие. Он свободен. Я — нет. Но мы связаны. И это моя слабость.

— Садись, — говорит Макс, указывая на стул в тени.

Я подчиняюсь.

Он ставит передо мной бокал с водой, достаёт сигарету, закуривает. Дым тянется ленивыми кольцами, размывая гра-

ницы между словами.

— Знаешь, — начинает он, глядя в небо, — я ведь долго думал, как с тобой быть. Когда нашёл тебя. Когда смотрел, как ты живёшь одна, с этой своей собачкой, в своей тихой квартире. Всё было так... скучно. Так... предсказуемо. А потом я понял: ты сама себе устроила клетку. Я всего лишь поменял замки.

Я не смотрю на него. Молчу. Он продолжает:

— В тебе есть какая-то трещина, Элина. Она не снаружи. Она глубоко. Я чувствовал её с самого начала. И ты сама позволила мне войти в неё. Ты впустила меня туда, где хранила самое уязвимое. И когда ушла — думала, что я не найду. Но я — не просто любовник. Я — часть этой трещины.

Я поворачиваюсь к нему.

— Ты — болезнь, — говорю.

Он улыбается. Спокойно. Почти с гордостью.

— Иногда болезнь — это единственное, что даёт иммунитет.

Я смеюсь. Впервые. Холодно. Резко. Слишком громко.

— Ты читаешь философию между изнасилованиями?

— Я не насирую, Элина, — говорит он, затягиваясь. — Я возвращаю то, что тебе нужно. То, что ты боишься признать. Ты не сбежала от меня. Ты сбежала от себя.

— Ты больной, — повторяю. — И когда-нибудь ты за это заплатишь.

Он смотрит на меня спокойно. Как взрослый на ребёнка,

который грозит пальцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.